

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОКОЙНОМЪ ПРОТОІЕРЕѢ, ПРИ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ВЪ БАРАШАХЪ, СИМЕОНѢ ИВАНОВИЧѢ СОКОЛОВѢ.

(Отрывокъ изъ записокъ.)

а другой день я отправился на Покровку къ священнику Семену Ивановичу. Онъ тогда еще былъ бодръ духомъ и тѣломъ. Скорби не минуемы въ жизни. Но ни утраты близкихъ сердцу, ни болѣзни, ни слѣпоты, ни умаленіе средствъ къ своему содержанію въ дряхлости, ничто не ослабило въ немъ духа до послѣдней минуты.

Воспитанникъ Троице-Сергіевой лавры, давшей московскому университету нѣсколько учениковъ, въ числѣ которыхъ были Матѣй Десницкій и Стефанъ Глаголевскій (впослѣдствіи митрополиты Михаилъ и Серафимъ), Семень Ивановичъ смолodu находился въ пріятныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ питомцевъ, а позже членовъ «Дружескаго общества», которое имѣло столь важное вліяніе на новорожденный въ Россіи университетъ. Скромно началъ онъ свое служеніе діакономъ при церкви Бориса и Глѣба въ Москвѣ. Отсюда потомъ поставленъ былъ священникомъ приходскаго храма Николы въ подкопаяхъ. Послѣ опустошенія Москвы полчищами Наполеона и пожарами, онъ пріютился гдѣ-то при сельской церкви. По перемѣщеніи же своемъ въ Москву, преданъ вполне пастырскимъ и ученымъ своимъ занятіямъ. Становясь съ года на годъ все больше и больше извѣстнымъ строгою жизнію, духовностію, просвѣщеніемъ, онъ обратилъ на себя вниманіе архіепо-

скопа Августина и пріобрѣлъ лестное довѣріе прозорливаго его преемника, митрополита Филарета. Такимъ образомъ кругъ его служебно-духовной дѣятельности постепенно расширялся: онъ несъ должности то депутата при слѣдственныхъ дѣлахъ, то духовника духовныхъ лицъ (Ивановскаго сорока), то руководителя подвергавшихся отлученію отъ Церкви (эпитиміи), наконецъ члена конференціи московской духовной академіи, члена попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, и т. д. Разширялся съ года на годъ и кругъ духовной его паствы. Нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ, Е. В. Новосильцевой, по рожденію графинѣ Орловой, самъ владыка указывалъ на него, какъ на опытнаго наставника и утѣшителя взволнованныхъ скорбію душъ.—Я помню Екатерину Владиміровну. Несчастіе ея понятно всякому. Она внезапно лишилась единственнаго своего сына. Долго плакала она, тосковала, молилась; но пустота материнскаго, осиротѣлаго сердца не восполнялась. Живое, христіанское участіе въ ея горести митрополита Филарета, освѣжающія душу его бесѣды съ нею укрѣпили въ ней покорность вѣрѣ, обратили материнскую къ сыну любовь на ближнихъ, и освѣтили ее смиренной надеждой — дѣлами благотворенія искупить погибшаго на поединкѣ сына. Руководителемъ и сотрудникомъ ея въ подвигахъ милосердія былъ Семенъ Ивановичъ. Домъ Е. В. Новосильцевой (теперь графа Орлова-Давыдова) всегда былъ открытъ для нуждавшихся. Благодатно направленная митрополитомъ ея любовь наполнила пустоту унылаго ея сердца и пробудила въ немъ жизнь духовную. Какъ трогательно бывало заставить старушку иногда невзначай, окруженную безпріютными сиротами, въ тихихъ занятіяхъ либо лелѣявшею свои цвѣты, окруженные роскошной зеленью, либо снимавшей карандашемъ или кистью сельскую природу, въ своей «Отрадѣ» (лѣтнее ея мѣстопробываніе), либо вышивавшей по гладкой ткани красивые узоры шелкомъ, шерстью, серебряными и золотыми нитями, либо читавшей духовныя и назида-

тельные книги, либо слѣдившею за появленіемъ замѣчательныхъ произведеній въ литературѣ и за политическими событіями въ мірѣ.

Кромѣ устной проповѣди въ храмѣ Божіемъ, которая нерѣдко дополняема была дружественной бесѣдой съ кающимися, Семень Ивановичъ многихъ изъ своихъ духовныхъ дѣтей назидалъ и письмами. Въ семьѣ его сохранилось большое собраніе такихъ писемъ—и на отдѣльныхъ листахъ, и въ переплетенной тетради, и въ вѣрныхъ спискахъ собственнаго его почерка. Въ концѣ этихъ записокъ о его жизни приложено ихъ, для образца, восемь: *одно*—къ Любови Петровнѣ Квашниной, удалившейся въ Хотьковъ монастырь. Время, хогда оно написано, не означено. *Три*—къ монахинѣ костромскаго дѣвичьего монастыря Юліи Петровнѣ (изъ костромскихъ дворянокъ), въ ноябрѣ 1832, въ іюнѣ 1833, и въ декабрѣ 1835 г. *Одно*, отъ 18 сентября 1838 г., къ Сергѣю Степановичу Ланскому (бывшему впоследствии министромъ) и къ женѣ его Барварѣ Ивановнѣ. *Одно*, безъ означенія времени, къ А. Н. Муравьеву, незадолго до переселенія его изъ морозной Сибири въ знойный Крымъ ¹. *Два*, на одномъ листѣ, къ «Николаю Васильевичу» и его внучкѣ «Аннѣ Алексѣевнѣ», въ апрѣлѣ 1831 г. Кто эти «Николай Васильевичъ и Анна Алексѣевна», узнать мнѣ не удалось. Была въ моихъ рукахъ переписка Семена Ивановича и съ другими лицами, въ томъ числѣ съ Арсеньевыми: семейство С. Н. и Н. А. Арсеньевыхъ постоянно было съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Особенно любопытна его переписка съ сестрой Сергѣя Николаевича, баронессой Медемъ, до ея замужства.

¹ Александръ Николаевичъ, братъ Муравьева карскаго и Муравьева хранителя Литвы, Жмуди и Бѣлоруссіи, смолоду былъ сведенбургистомъ, мечтателемъ, декабристомъ, потомъ невольнымъ странствователемъ по Сибири, по Крыму, по архангельскому краю. Подъ старость возвратился въ военную службу. Жизнь упрочила политическія его стремленія. Последняя дѣятельность его проявилась при уничтоженіи въ Россіи крѣпостнаго права. Онъ былъ въ эту пору начальникомъ нижегородской губерніи. Въ декабрѣ 1863 г., имѣя отъ роду уже 70 лѣтъ слишкомъ, онъ умеръ въ Москвѣ сенаторомъ.

Проповѣдей послѣ него, сколько мнѣ извѣстно, осталось немного. Я видѣлъ небольшую тетрадь сказанныхъ имъ словъ еще въ 1822—1827. Уцѣлѣло также его «Обозрѣніе истинъ, служащихъ для проповѣдей ¹». Это чуть ли не первый на Руси конспектъ или планъ духовныхъ словъ и рѣчей. Въ 1821 г. владыка, вступивъ въ управленіе московскою паствою, обратилъ особое вниманіе на московскихъ проповѣдниковъ; а между тѣмъ вышло и распоряженіе отъ св. прав. Синода о представленіи епархіальнымъ начальникамъ конспектовъ тѣми изъ священнослужителей, которые пожелаютъ говорить проповѣди. Я указываю на «(Обозрѣніе истинъ и проч.» какъ на почтенную рукописную старину. Она помѣчена рукой, тогда еще молодого, архіепископа, съ такой отмѣткой: «Составъ истинъ твердый и способный къ основательному назиданію. Богъ да благословитъ дѣло!—Поученія, которыя скажутся, по времени представить». 15 января 1864 г. этой рукописи (1822) минуло 42 года.

Письма Семена Ивановича стоятъ проповѣдей. Ему, твердо вѣровавшему въ истины св. писанія, проникнутому сладостію ученія евангельскаго, озаренному въ немалой степени свѣтомъ высшей мудрости, ему отрадно было поучать свою паству *устною* проповѣдію въ церкви, какъ поучалъ онъ своихъ посѣтителей дома бесѣдою о духовныхъ предметахъ.

Изучая духовную словесность, Семенъ Ивановичъ не покидалъ и классиковъ. Изъ переписки его съ разными лицами видно, что онъ занимался также и изслѣдованіемъ мистическихъ сочиненій. Между прочимъ усердно читалъ онъ «Сіонскій вѣстникъ» (изданіе Лабзина), любилъ разсуждать о духѣ его, дѣлалъ изъ него выписки. Въ упомянутой мною тетради я встрѣтилъ пространную выписку подъ оглавленіемъ: «Вздохи сердца къ воплощенному Слову». Но любимой книгой, «книгой сладости», какъ называлъ онъ ее,

¹ Мы помѣщаемъ это «Обозрѣніе» во II отдѣлѣ настоящей книжки «Странникъ», подъ названіемъ: «Очерки мыслей.»

было твореніе Ѳомы кемпійскаго «о подражаніи Іисусу Христу», которую онъ и перевелъ на русскій языкъ. Дома и когда именно трудился онъ надъ своимъ переводомъ, мнѣ неизвѣстно; но въ цензурѣ трудъ его одобренъ 21 февраля 1833 г.; а изданъ А. С. Ширяевымъ въ 1834 году. Въ началѣ книги помѣщены портретъ Ѳомы кемпійскаго (род. въ 1380 г., умеръ въ 1472 г.) и краткое описаніе его жизни, составленное переводчикомъ изъ многихъ жизнеописаній, при разныхъ изданіяхъ этого сочиненія. Въ концѣ напечатано «наставленіе, какимъ образомъ читать съ пользою эту и другія подобныя благочестивыя книги».

Изданіе Ширяева давно разошлось. На заглавномъ листѣ собственнаго экземпляра покойный переводчикъ написалъ: «Книга сладости»; а подъ оглавленіемъ написано его рукою: «Сія книжка подобно псалтири улаживаетъ горестныя сердца, и направлена на всѣ состоянія духа человѣческаго. Таковъ духъ премудрости. Она всѣхъ обнимаетъ и заключается во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. При этомъ размыслимъ, какую глубину содержитъ простота! Ибо что проще псалтири и что, напротивъ, выше ея? Она есть малая библія, она есть пріятная музыка, въ коей всѣ чувства наши, какъ струны, такъ согласованы, что ни въ чемъ иномъ не могутъ улаживаться и находить успокоеніе».

«Библія есть садъ, а псалтирь есть букетъ, въ коемъ собраны всѣ цвѣты сего сада — такъ что можно сказать, что въ псалтири вся библія содержится».

Переводъ «о подражаніи Іисусу Христу» гр. Сперанскаго извѣстнѣе; да и языкъ этого перевода цвѣтистѣе, литературнѣе; но что касается близости къ подлиннику и точности выражений въ мѣстахъ чисто догматическихъ и приводимыхъ изъ св. писанія реченійхъ, то Семенъ Ивановичъ въ этомъ отношеніи не уступитъ первенства графу Сперанскому.

Въ Москвѣ онъ извѣстенъ былъ какъ духовникъ строгій и назидательный, какъ осторожный путеводитель смущаемыхъ сомнѣніемъ и ропотомъ въ дни скорби и искушеній,

какъ глубокомысленный и проникнутый духовностію *мистикъ*.

Здѣсь нужна оговорка для людей, смѣшивающихъ въ своемъ понятіи мистиковъ, масоновъ, мартинистовъ, иллюминатовъ и даже якобинцевъ. Приведу ее изъ книги, изданной въ 1858 года, подъ заглавіемъ: «Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники московскаго университета, гимназій его, университетскаго благороднаго пансіона и дружескаго общества». Въ понятіяхъ свѣтскихъ людей—мірянъ по преимуществу слова: *мистикъ*, *мистика*, *мистицизмъ*, представляютъ нѣчто странное, загадочное, юродиво-лицемѣрное, тожественное съ словами подсиживание, подсмѣиванье, отуманливанье, одурачиванье и т. п. Источникъ такого превратнаго понятія о мистицизмѣ и жалкаго предубѣжденія противъ мистиковъ таится въ кошунахъ лжемистиковъ, въ заблужденіяхъ людей непризванныхъ на дѣло духовное и въ совращеніи съ духовнаго пути слабыхъ подвижниковъ прелестью високоумія и самонадѣянности. Въ сущности мистическое стремленіе означаетъ благодатное, «тайно-образующее» состояніе внутренняго чело-вѣка. Таковъ смыслъ пѣсни херувимской въ литургіи. Таковъ смыслъ антифона на утрени: «Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется тройческимъ единствомъ — *священнотайнъ!*» Таковъ, наконецъ, смыслъ и многихъ реченій не только въ евангеліи, но и въ книгахъ ветхаго Завета. Такимъ образомъ, и псалмы Давида—произведенія мистическія, и творенія св. отцевъ—сочиненія мистическія. Мистики — пророки и апостолы. Мистики всѣ истинные проповѣдники. Мистикъ, по преимуществу, учитель пустынножительства — Іоаннъ Лествичникъ. Мистикъ—и свѣтило нашихъ дней въ православномъ мірѣ. Я не назову его: «кто не узнаетъ имени новаго хри-зостомы, тотъ не пойметъ и вдохновенныхъ словъ маститаго пастыря.»

Отъ такого-то смѣшенія понятій невѣжественная толпа

(большинство свѣтскихъ людей) думала опозорить и просвѣщенныхъ членовъ дружескаго общества, называя ихъ мистиками, масонами, мартинистами.

Одинъ изъ членовъ его написалъ «Нравственный катихизисъ истинныхъ франкмасоновъ». Благодаря О. М. Бодянскому, редактору «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ ¹», этотъ катихизисъ Лопухина (впервые изданный въ переводѣ на французскій языкъ, будто полученный изъ чужихъ краевъ, а напечатанный на станкахъ «типографской компаніи») помѣщенъ во II книгѣ «Чтеній» за 1860 годъ, стр. 24 — 30. Изъ него ясно видно, что наши, такъ называемые мистики духовные составляли общество истинно вѣрующихъ христіанъ, которые распространяли просвѣщеніе, утверждали добрые нравы, и жертвовали своимъ достояніемъ на пользу ближняго.

Въ правила и убѣжденія ихъ вошло все доброе, разумное и честное изъ ученій Якова Бѣма, Сенъ-Мартеня и Георга Фокса, то есть чистыхъ масоновъ, мартинистовъ и квакеровъ, съ тѣмъ только различіемъ, что наши мистики, піэтисты, восторженники, мечтатели — назовите ихъ какъ угодно — не уклонялись отъ ученія евангельскаго, не отвергали священныхъ обрядовъ и св. таинствъ, не искажали философскими умозаключеніями точнаго смысла св. писанія, уважали какъ новый, такъ и ветхій Заветъ, и оставались до могилы вѣрными сынами православной Церкви ².

Вотъ такимъ-то мистикомъ былъ и Семенъ Ивановичъ.

Онъ радушно пошелъ мнѣ навстрѣчу, дружественно протянулъ руку — и скоро сблизился со мною. Мы видались часто.

¹ Осипъ Максимовичъ извѣстенъ, между прочимъ, и какъ собиратель всевозможныхъ, по всѣмъ звеньямъ науки, исторіи, религіи, философіи и т. д. древнихъ, давнихъ и современныхъ рукописей и рѣдкихъ или малоизвѣстныхъ книгъ и печатныхъ тетрадокъ.

² Не отъ квакеровъ ли заимствовало ихъ общество и самое свое названіе? Фоксъ называлъ свою общину квакеровъ «обществомъ друзей»; а наши сердобольцы свою — «дружескимъ обществомъ».

Продолжительны бывали порой наши бесѣды. Много было возбуждено вопросовъ, много сомнѣній разъяслось, недоразумѣній объяснилось; а многое и не поддалось разуму и тѣмъ пуще чувствамъ. Вѣра, только вѣра озаряетъ насъ полнымъ свѣтомъ истины. Но есть предѣлъ и знанію вѣры. Есть тайны, которымъ разгадка за гробомъ. Все же, что нужно намъ *здѣсь* для дѣла спасенія, все открыто и преподано св. писаніемъ,—лишь бы *читающій разумѣлъ*. Что не подъ силу земной мудрости,—то блюдется *тамъ* для жизни небесной.

Въ одно изъ нашихъ свиданій возникъ такой вопросъ: «какъ согласить Промыслъ Божій съ своеволіемъ человѣка?» Разсужденія по' этому вопросу часто у насъ повторялись съ глазу на глазъ, и въ присутствіи другихъ—по духу Семену Ивановичу близкихъ. Одна изъ такихъ бесѣдъ вызвала письменное его объясненіе. Въ ней участвовала и известная тогда въ Москвѣ своею набожностію и благотворительностію, Надежда Николаевна Шереметьева, женщина не по лѣтамъ воспріимчивая, пламенная, впечатлительная. На третій или четвертый день послѣ моего съ нею разговора, получилъ я слѣдующую записку отъ Семена Ивановича:

«Вспомнивъ о вашемъ преніи съ Надеждою Николаевною относительно воли Божіей, я разсудилъ сказать вамъ нѣчто на это. Вы весьма справедливо разсуждаете, что все происходитъ отъ воли Божіей,—только изъ сего дѣлаете выводы не такъ правильные. Высоко воспаряя умомъ, изволите говорить, что въ процессѣ спасенія нуженъ былъ и предатель—пусть такъ! Слѣдовательно онъ и былъ тутъ—пусть такъ! Но, идя далѣе путемъ выводовъ, неужели можно заключать, что воля Божія приуготовила и расположила его къ ужасному дѣлу предательства? Это выдетъ уже хула. Свѣтъ тьмы не рождаетъ, и добро къ злу не побуждаетъ. Въ злыхъ дѣлахъ человѣка воля Божія только что попускаетъ чело-
вѣку и не связываетъ его свободы.

«Послѣ сего надобно сказать, что постигнуть волю Божию невозможно; а иначе это значило бы, что она постигается не только периферіально, но и центрально. Да центрально-то нельзя узнать и сердца человѣческаго. Воля Божія познается только изъ божественнаго откровенія и чрезъ изученіе явленій природы. Ближе не иначе можно узнать волю Божию, какъ стараясь во всемъ исполнять ее, причемъ можно *видѣть и вкусить*, колико благъ Господь, и сколь блага воля Его».

Сохранились у меня два письма ко мнѣ Семена Ивановича; одно въ 1830 г., когда еще не былъ я женатъ, другое въ 1836 г., скоро послѣ моей женитьбы.

Письмо 1-е. «Виноватъ, виноватъ предъ вами, простите. Желая отвѣчать на пріятное письмо ваше съ полною свободою духа, ожидалъ я свободнаго времени, но вамъ извѣстно, скоро ли его дождешься. Удовольствіе, съ каковымъ въ первый разъ прочелъ я письмо ваше, надолго во мнѣ новымъ пребудетъ. Оно въ такомъ духѣ и съ такими чувствами писано, что нельзя не помнить его. Ваше новое расположеніе упражняться въ чтеніи св. писанія и другихъ христіанскихъ книгъ, ваша рѣшимость обуздывать страсти и надежда на Господа, что Онъ въ этомъ поможетъ вамъ, и сильно дѣйствующія на вашу душу бесѣды высокопреосвященнѣйшаго Филарета, все это дары Божіи, ясно свидѣтельствующіе о томъ, что *неровные пути*, которыми вы доселѣ шли, начинаютъ дѣлаться *гладкими*, и что Господь, невидимо руководствующій вами, желаетъ подвести разумъ вашъ подъ вліянія и лучи совершеннѣйшаго ума, сокрытаго въ словѣ Его—ума всеобщаго, которому частный разумъ тогда начинаетъ вѣрить, когда, почувствовавъ слѣпоту и ошибочность свою, станетъ разувѣряться въ прямоѣ своихъ вѣдѣній, не будетъ болѣе опираться на оныя, а начнетъ искать правильнѣйшихъ. Отъ всего сердца желаю, чтобы вы новыя расположенія ваши, какъ нѣкую драго-

цѣнность, сохраняли отъ развлеченій и суетъ, которыя удобны угащать всякія добрыя чувства въ человѣкѣ.»

«Въ еванг. Лук. 3, 5., есть обѣщаніе, что если человѣкъ будетъ внимать проповѣди покаянія, исправлять самого себя и обуздывать страсти, то *кривизны его выпрямятся*, т. е. неправый его умъ и воля сдѣлаются правыми. Вамъ извѣстно, что страсти даютъ худое и неестественное направленіе и уму и волѣ, уклоняя и увлекаая оныя внизъ — къ чувственнымъ удовольствіямъ и предметамъ, чрезъ то умъ и воля становятся болѣе и болѣе ограниченными, стѣсняются, грубѣютъ и лишаются способности возвышаться и расширяться — способности высокой и отъ Бога имъ дарованной. Но старающійся освободиться отъ страстей вскорѣ находитъ ясность въ разумѣ своемъ и тишину въ сердцѣ, при чемъ не одобряетъ прежнихъ своихъ занятій и начинаетъ стремиться къ лучшимъ, высшимъ и духовнымъ предметамъ — достойнымъ разума его и сердца. И древніе философы, вѣдая, что похоть недостойна высшей, человѣческой природы — что она есть врагъ разума, что она какъ Цирцея превращаетъ человѣка въ скота и звѣря, что страсти суть сирены, мучительную радость и убійственное удовольствіе доставляющія человѣку, — старались обуздывать оныя страсти съ тою цѣлію, чтобы разумъ и сердце сохранить чистыми. Но христіанинъ, имѣющій въ себѣ открытое внутреннее ухо, способное отличать голосъ совѣсти и разума отъ голоса и крика страстей, еще съ болѣею силою противится онымъ. И потому, кто желаетъ имѣть воодушевленіе, силу и ревность бороться со страстями, тому нужно пріобрѣтать новыя и внутреннія чувства, которыя не иначе открываются въ человѣкѣ, какъ когда наружныя обуздываются.»

«Вы встрѣтились на пути вашемъ съ г. Еккартсгаузеномъ. Не худо и къ нему зайти въ гости и побесѣдовать, только не очень задерживаться имъ, а продолжать далѣе путь. Въ семъ авторѣ вы найдете много новыхъ и изящ-

ныхъ мыслей, и довольно матеріала для мышленія, но надобно замѣтить, что онъ высокія и важнѣйшія истины принималъ по большей части умомъ головы, а не умомъ сердца и излагалъ оныя очень не ясно и крайне обширно. А обширная словесность мнѣ представляется толстою одеждою истины, сквозь которую чуть-чуть истину видно. Обильная словесность часто бываетъ знакомъ слабаго разума, слящагося другимъ объяснить истину, еще ему самому неясную. Иное вино бываетъ спиртуозно, а иное водяно: такъ и словесность бываетъ сильна или слаба по той мѣрѣ, какъ разумъ человѣка собранъ въ себя, или разсѣянъ; впрочемъ сей авторъ будетъ вамъ полезенъ — ежели вы будете останавливаться на истинахъ, ясно имъ изображенныхъ, и замѣчать оныя — не потѣя надъ его дробностію и словесностію.»

«Итакъ, объемля васъ мысленно, сердечно желаю вамъ благодати Божіей, ищущей насъ прежде нашего исганія, всюду слѣдующей за нами, и даже въ паденіяхъ нашихъ, касающейся насъ и возбуждающей въ сердцѣ нашемъ какую-то неловкость и тоску, и чрезъ оную, обращающей насъ на лучшій путь. Съ мопмъ почтеніемъ и любовію къ вамъ остаюсь, воскресенскій, что въ Барашихъ, протоіерей Симеонъ Іоанновъ.»

Р.-S. «Приношу мою благодарность за презентъ вашъ, съ напомниманіемъ вамъ о моей просьбѣ на счетъ сего ¹. 1830 года, марта 10 дня.»

Письмо 2-е. «Очень жалѣю, что хворость моя не допустила меня лично поблагодарить васъ за вашу благотворительность, и проститься съ вами; что вознаграждаю теперь письмомъ моимъ, принося вамъ искреннюю благодарность за пріятное для меня ваше ко мнѣ расположеніе.

«Вы начали теперь новую жизнь. Чего же мнѣ пожелать вамъ? Не имѣю ничего лучшаго, какъ желать новой

¹ Т. е. отложить подарки въ сторону, а дарить его добрымъ къ нему расположеніемъ, доброй о немъ памятыю.

ревности направлять умъ и сердце къ главному началу всѣхъ насъ, къ которому въ тихія минуты духъ нашъ сокровенно воздыхаетъ и стремится, какъ къ сродному и настоящему своему покою, очень изрѣдка нами здѣсь ощущаемому. Это всякому примѣтно, что, когда все въ насъ стихаетъ, тогда духъ нашъ, по высокой своей натурѣ, ищетъ и жаждетъ чего-то не здѣшняго, чувствуя отвращеніе отъ всякихъ суетностей и тиготясь перетасовывать и перебирать вещи и дѣла міра сего, которыхъ тогда вся пустота обнаруживается, и ложный блескъ исчезаетъ. Какъ суеты ни отдаляютъ насъ отъ Источника жизни нашей, но мы все еще по временамъ чувствуемъ, что имъ живемъ, и что Онъ близокъ къ намъ, какъ единица близка къ числамъ. Хорошо эту близость познавать, но еще лучше сердцемъ и вѣрою ощущать, въ каковомъ случаѣ она бываетъ сладостнѣе, и сильнѣе отвлекаетъ насъ отъ чувственныхъ пріятностей, перѣдко отдѣляющихъ и отдаляющихъ насъ отъ онаго всеоживляющаго источника. Любомудріе и добрая дѣятельность должны быть совокупны. Склонность философствовать, направляемая словомъ Божиимъ, которое есть источникъ всякихъ правильныхъ вѣдѣній, и вмѣстѣ вѣрный оселокъ оныхъ—непремѣнно должна приводить къ практикѣ познанныхъ истинъ. Въ томъ-то состоитъ и достоинство человѣка, когда обогащаясь полезными знаніями, старается онъ усилить въ себѣ любовь къ добру до такой степени, чтобъ всякій порокъ, и грубый и тонкій, и нетерпимый и терпимый и извиняемый міромъ, казался ему несноснымъ и гнуснымъ. Вотъ что намъ нужно! А сего совершенства желая себѣ, какъ же я не пожелаю его и вамъ, любезнѣйшій Н. В.? Тѣмъ паче желаю сего,—что теперь для васъ наступило такое время, когда вы уже не можете отговариваться недосугами заниматься предметами религіозными. Промыслomъ данная вамъ достойная помощница, въ отличной нравственности воспитанная и возросшая, Д. И. готова каждый часъ возбуждать васъ на все душеполезное,

будучи увѣрена, что занятія религіозныя должны входить въ составъ всѣхъ прочихъ занятій, и давать имъ лучшее направленіе. А побужденія кому изъ насъ не нужны? И самый ревностный и неутомимый въ трудахъ мужъ имѣетъ нужду въ семь. И самый храбрый воинъ звукомъ трубы возбуждается къ большей храбрости, говоритъ латинскій поэтъ. Посему искренно желая, чтобы взаимные между вами совѣты любви и дружбы—изъ любви сообщаемые и съ любовію принимаемые, болѣе и болѣе окрѣпляли священный союзъ вашъ, съ искреннею къ вамъ любовію остаюсь.

«Воскресенскій въ барашихъ, протоіерей Симеонъ Ивановъ.

«Ея превосходительству, любезнѣйшей супругѣ вашей, желаю всякой милости Божіей и свидѣтельствую мое искреннее почтеніе. 1836 г. мая 28 дня.»

Таинство брака надо мной и невѣстой моей совершалъ незабвенный мой духовникъ Семенъ Ивановичъ.

Въ ту пору предстоявшаго мнѣ перехода изъ вѣтренной жизни холостяка въ жизнь правильную человѣка женатаго, мнѣ довелось подмѣтить и даже на себѣ испытать его прозорливость. Вотъ одинъ случай: когда нетолько сватовства, но и искательства еще не начиналось, онъ объявляетъ мнѣ, на исповѣди въ первую недѣлю великаго поста, что я долженъ жениться.—Я отвѣчаю ему, что при всемъ желаніи моемъ остепениться, мнѣ нельзя вступить въ бракъ скоро, и что на это даже нѣтъ никакой надежды.

«Вѣрьте, что женитесь.»—«Можетъ быть, когда нибудь, но не теперь.»

«Теперь, скоро, скоро женитесь.» И я женился послѣ св. недѣли! (26 апрѣля 1836 г.)

Вотъ еще одинъ случай: гостила у насъ близкая намъ по крови и по сердцу родственница. Вдругъ она занемогла. Болѣзнь со дня на день развивалась быстрѣе и быстрѣе. Мы видѣли, какъ силы ея упали, какъ угасала она въ страданіяхъ и изнеможеніи. Не вставая нѣсколько недѣль съ постели, на страстной она твердо пожелала го-

вѣтъ. Больная всю службу домашнюю слушала лежа; все мы грустно молились и плакали.

Великопостное служеніе вообще располагаетъ душу «къ печали о Господѣ.» — Покаянныя молитвы и пѣснопѣнія, земные поклоны и колѣнопреклоненія, заунывные напѣвы клира на вечерни и утрени, на часахъ и преждеосвященной обѣдни; постоянное чтеніе изъ книгъ ветхаго Заветъ о дѣлахъ Божиихъ; то скорбное молчаніе живаго Слова, то усугубленное провозглашеніе св. евангелія; то поклоненіе Кресту, то наконецъ похоронное пренесеніе животворящей плащаницы; все, все, даже звонъ колоколовъ, протяжный и унылый, благодатно дѣйствуетъ на вѣрующаго, все умиряетъ сердце, смиряетъ разумъ, обращаетъ мысли и чувства отъ житейскаго къ духовному, отъ земли къ небу.

Послѣ домашней утрени въ среду, я повѣхалъ за Семеномъ Ивановичемъ, и, исповѣдавшись, сказалъ ему: вотъ и еще требуется отъ насъ жертва!... «Напрасно ропщете!» возразилъ прозорливый слѣпецъ: «она останется вамъ.»

Я повѣрилъ ему.

На другой день, послѣ обѣдни, въ теченіе которой больная читала молитвы и причастное правило, когда живоносная чаша была принесена, мы, къ изумленію, нашли ее въ креслахъ. — Приобщившись св. таинъ, она пала ницъ сама, безъ сторонней помощи встала и пошла за удаляющимся гостемъ до дверей сосѣдней съ ея спальней горницы!... Съ этой поры болѣзнь уступила молитвамъ. Мало по малу здоровье возвратилось.

Да! истинно самъ цѣлитель Господь благоволилъ посѣтить нашъ домъ! Никогда не забуду, съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ, съ какой умиленной вѣрой все домашніе наши — кто провожалъ отъ церкви, кто встрѣчалъ въ воротахъ или на крыльцѣ Спасителя-Христа въ св. тайнахъ!... Какъ благоговѣйно свершилось молитвословіе! Какъ трогательно выражалось участіе къ больной на лицахъ священника и дяко-

на, нашихъ кроткихъ, смиренныхъ А. А. О. и В. С. К.; какъ у всѣхъ насъ блещли въ глазахъ слезы, но уже слезы не мірской тоски, а духовной радости, несомнѣнной надежды на благодать, крѣпкаго упованія на помощь Всемогущаго!...

Мнѣ какъ-то всегда становится грустно послѣ послѣдней преждеосвященной литургіи: разставаясь съ великимъ постомъ, какъ-то жаль поста, и невольно думается: приведетъ ли Богъ впередъ поучаться «духомъ и умомъ» въ теченіе этихъ знаменательныхъ для христіанина дней? Много ли сдѣлано нами для души въ эти покаянные семь недѣль? Насколько умирены въ насъ страсти, обузданы недобрые навыки, окрѣпли силы воли на добро? Свѣтлѣе ли наша совѣсть, пространнѣе ли къ ближнему любовь, смиреннѣе ли вѣра, терпѣливѣе ли надежда, чище ли молитва, ближе ли къ намъ благодать?... О! много, много поднимается изъ глубины сердца вопросовъ—и грустно грустно мнѣ, и охотно вспоминается канонъ Андрея критскаго... Такъ однажды, подъ его впечатлѣніемъ, написались слѣдующія строки:

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Великій день! Великаго поста
 День первый слезъ, молитвъ и покаянья...
 На тихій звонъ, на сладость назиданья,
 текутъ толпы къ подножію Креста.
 Помилуй насъ, Боже! помилуй, Всесильный!
 Помилуй насъ грѣшныхъ, любовью обильный!

Помилуй насъ, Святая Матерь-Дѣва!
 Спасеніе погибели сыновъ!
 Избави насъ отъ праведнаго гнѣва!
 Заступница! прими подъ свой покровъ!
 Помилуй насъ, Боже! помилуй Всесильный!
 Помилуй насъ бѣдныхъ, любовьюобильный!

Да совершимъ седмищныя моленья
 Въ незлобіи, смиреньи, чистотѣ,

Да побѣдимъ—соблазны, прираженья
И суеты суетствій—о Христѣ.

Помилуй насъ, Боже! помилуй, Всесильный!
Помилуй насъ скорбныхъ, любовью обильный!

Да на страстной седмицѣ, отъ страстей
Омытые животворящей кровью,
Воспринемъ и пойдемъ съ живой любовью—
Во срѣтеніе великихъ—свѣтлыхъ дней!...

Помилуй насъ, Боже! помилуй, Всесильный!
Помилуй насъ страстныхъ, любовью обильный!

Слабѣй нашъ врагъ! слабѣй его ловитва!
Рабы грѣха спасаются во храмъ—
О! да исправится моя молитва,
Какъ радостный кодила еѣмѣамъ?

Помилуй насъ, Боже! помилуй, Всесильный!
Помилуй насъ грустныхъ, любовью обильный!

«Нынѣ!... Силы небесныя съ нами
Невидимо служатъ»—и мы
Преклонимъ колѣна, сердца и умы...
О ужась! о трепеть!... Царь славы во храмъ!...

Помилуй насъ, Боже! помилуй, Всесильный!
Помилуй насъ брѣнныхъ, любовью обильный.

Продолжу мои воспоминанія о Семенѣ Ивановичѣ.—Черезъ недѣлю послѣ своей свадьбы я отправился на службу въ Петербургъ, а онъ остался въ скромномъ своемъ домикѣ противъ церкви и продолжалъ молиться. — Разставаясь хотѣлось намъ установить постоянную между собою переписку; но съ одной стороны его и мои служебныя занятія не дали намъ столько досуга, чтобы наша переписка могла сохранить необходимую послѣдовательность; съ другой,—зрѣніе стало уже замѣтно измѣнять ему.

Въ 1842 г., когда мы переселились на покой въ Москву, я засталъ его лишеннымъ одного глаза; а чрезъ нѣсколько лѣтъ позже онъ и вовсе потерялъ зрѣніе, оставилъ свой приходъ и перебрался къ своему сыну, приходскому свя-

щеннику одной изъ замѣчательныхъ по историческимъ событіямъ церквей, «Николы въ столпахъ». Михаилъ Семеновичъ покоилъ старость отца до послѣдняго мгновенія его полезной жизни.

Преклонный старецъ при слѣпотѣ своей не искалъ разсѣянія въ говорѣ праздныхъ посѣтителей, въ городскихъ толкахъ и новостяхъ. Онъ больше и больше углубился въ себя, въ самоиспытаніе и молитву. Бесѣды его становились съ года на годъ духовнѣе и свѣтлѣе. Для чтенія вслухъ славянскихъ и латинскихъ книгъ онъ, какъ бы почувствовавъ слѣпоту, заранѣе приготовилъ себѣ чтеца. Это былъ мальчикъ изъ дворовыхъ г-жи Ростъ, одной изъ близкихъ и преданныхъ ему особъ.

Въ лѣтнюю пору и въ теплые дни весною и осенью Семень Ивановичъ любилъ посидѣть на камнѣ у памятника надъ могилами убитаго въ 1682 г. боярина Артемія Сергѣевича Матвѣева, сына его Андрея Артамоновича, ихъ женъ и другихъ свойственниковъ.

Духовныя дѣти не измѣнили своему духовному отцу при его слѣпотѣ, дряхлости и недугахъ. Во всѣ посты, особенно на первой, крестопоклонной и страстной недѣляхъ великаго поста стекались они къ нему въ исповѣдныя дни съ утра до ночи. Терпѣливо выслушивалъ ветхій старецъ каждого и каждую, бесѣдовалъ съ ними, назидалъ, утѣшалъ, укрѣплялъ ихъ, молился за нихъ. Откуда почерпалъ онъ силы, чтобы съ такою любовію принимать кающихся, чтобъ не прерывать многоглаголивый порою лепетъ, чтобъ слѣдить иногда за повѣстью цѣлой жизни? Силы эти коренились въ его сердцѣ. Трогательныя при этомъ встрѣчались явленія! то выйдетъ отъ него смиренная исповѣдница съ орошеннымъ слезами лицомъ, то смущенный исповѣдникъ пройдетъ посреди ожидающихъ очереди съ потупленнымъ взоромъ, то слышны вздохи и молитвенные возгласы разрѣшающаго грѣхи именемъ взявшаго на Себя вину міра.—Однажды намъ довелось быть невольными сви-

дѣтелями исповѣдной бесѣды его съ однимъ говѣльщикомъ: какой-то слѣпецъ, на колѣнахъ передъ слѣпцомъ, громко исповѣдывался, не заботясь въ простотѣ сердца о томъ, что въ сосѣднихъ горницахъ могутъ услышать его исповѣдь. Такъ въ первыя времена христіанства гласно приносили смиренно вѣрующіе свое покаяніе, не прикрываясь покровомъ тайны.

Послѣ тяжкихъ страданій нищелюбивый, смиренный и незлобивый Семень Ивановичъ, мирно скончался, 30-го мая 1860 года, 88 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ (онъ родился 28 января 1772 года). Впродолженіи допохоронныхъ дней, всѣ, когда либо знавшіе покойника, стекались поклониться усопшему. Въ часъ заупокойной о душѣ его службы церковь была полна народа. Благоговѣйная тишина господствовала среди многочисленнаго стеченія духовныхъ его дѣтей, друзей, родственниковъ, прихожанъ, какъ храма, въ которомъ онъ служилъ до утраты зрѣнія, такъ и храма, подъ сѣнію котораго оканчивалъ земную свою жизнь въ уединенныхъ молитвахъ предъ Богомъ. Предъ отпѣваніемъ, послѣ литургіи, родной по женѣ внукъ его, священникъ (нынѣ протоіерей) Казанской у Калужскихъ воротъ церкви, Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ сказалъ (жаль, что не написалъ) трогательно-увлекательное слово. Тѣло покойнаго погребено на кладбищѣ при Покровскомъ монастырѣ.

Николай Сушковъ.

Январь 1863 г. Москва.